

Глава 28

Фрикадельки «Львиные головы» с крабовой икрой

Чистый голос Ань Сыняня всё еще звучал в ушах, а в серебристом лунном свете защитный купол вокруг него едва заметно отливал лазурью.

Янь Чжэнь застыл, во все глаза глядя, как скутер съезжает прямо в пропасть, но не падает, а плавно взмывает в ночное небо. Оседлав морской бриз, «электроцыпленок» пронесся над заливом Луцзяовань и устремился к огням города Q на другом берегу.

Ничего себе «по прямой»!

Это был настоящий полет на... скутере.

Кто из нас втайне не мечтал о небе? Даже бывший офицер полиции почувствовал, как его захлестывает жгучая зависть. Он не выдержал и в сердцах выругался:

— Твою же мать...

Но вслед за восторгом пришло запоздалое опасение: он ведь только что сболтнул, откуда хозяин Ань родом. Неужели тот заметил подвох?

Тем временем в ночном небе Ань Сынянь остался вполне доволен первым полетом своего железного коня.

То, что на скутере можно летать, он обнаружил всего пару дней назад. Его заветный «большой меч» еще не доставили, и как-то раз, спускаясь с горы за продуктами, юноша в порядке эксперимента решил опробовать свои силы на скутере. Оказалось, что земная металлургия творит чудеса: обычная железная рама выдержала напор духовной энергии и не развалилась на части!

Правда, прочность металла имела предел. На раму удалось наложить всего две печати — больше она бы просто не вынесла.

Он недолго колебался и выбрал «Гуйинь» и «Силю».

«Гуйинь» — Направляющее притяжение — стабилизировало центр тяжести, гасило инерцию и притяжение Земли. Это было чем-то вроде ремня и подушки безопасности, делаая управление легким и предсказуемым.

«Силу» — Обтекающий поток — рассекало воздух и уменьшало сопротивление. Оно создавало перед скутером каплевидный воздушный щит, чтобы полет был комфортным, и встречный ветер не превращал шевелюру Сыняня в воронье гнездо, как в кабриолете.

Эти две печати были необходимым минимумом. Если бы рама позволила добавить еще парочку — например, «Чистое небо» для невидимости от чужих глаз, «Проникающую волю» для обострения чувства управления или «Безграничность» для ускорения циркуляции энергии — этот скутер ничем бы не уступал летающим артефактам континента Цзюи.

Но пока приходилось довольствоваться тем, что есть. Конструкция была, честно говоря, примитивной.

Около восьми вечера море казалось бездонным черным провалом. Не ощущая поблизости судов, Ань Сынянь задействовал духовное сознание и еще немного прибавил скорость. Меньше чем за четверть часа он пересек пролив.

Едва коснувшись земли, он первым делом открыл навигатор.

Но когда он въехал в черту города и улицы стали до боли знакомыми, пальцы непроизвольно сжали руль, а скорость скутера начала падать.

Страх перед родным порогом.

Для него это было первое возвращение домой за триста с лишним лет. Сердце колотилось так, что трудно было дышать. Увидев в темноте старую семиэтажку, он почувствовал, что ладони и спина взмокли от пота. В этот миг он снова ощутил себя слабым, уязвимым смертным.

Припарковавшись в отдалении, он долго смотрел на светящиеся окна верхнего этажа, пытаясь представить, как выглядят сейчас родители и младший брат, которого он никогда не видел.

«Чем они заняты?»

Жилой комплекс Дунчэн Цзяоян

В квартире 701 шестого корпуса Ань Синвэнь сидел на диване, растирая затекшую поясницу. Он негромко спросил вышедшую из спальни жену:

— Уснул?

Лян Хаоцай бесшумно прикрыла дверь и устало улыбнулась. Она с облегчением выдохнула:

— Да, наконец-то.

Сев рядом, она принялась сама массировать мужу спину.

— Всё из-за новой игрушки, которую ему купил дядя. Цзяшу так обрадовался, что перевозбудился. Тебе сегодня тоже досталось, да?

— Мальчишка очень сообразительный, жаль только, здоровье слабовато, — вздохнул Ань Синвэнь. — Пусть бы лучше хулиганил побольше, лишь бы окреп.

Заметив, как на лице жены промелькнула тень вины, он понял, что ляпнул лишнего.

Когда родился Цзяшу, ей было уже сорок пять. Поздние роды — это всегда риск, врачи предупреждали, что могут быть осложнения.

Слава богу, младшему повезло, он родился здоровым, но иммунитет у него и впрямь был неважный. Чуть похолодает — сразу простуда, капризы, слезы. Хаоцай принимала это близко к сердцу, коря себя за то, что не смогла дать сыну крепкое тело. Обычно Синвэнь помалкивал, но сегодня усталость взяла верх.

Он ласково похлопал жену по руке.

— Может, мы его слишком балуем? Вот посмотри на Нянь...

Он осекся. Руки Лян Хаоцай на мгновение замерли. Она украдкой взглянула на мужа — его лицо оставалось бесстрастным. Тогда она решила продолжить:

— Няньцзай совсем другой. Он с детства за моим отцом по горам бегал, аппетит был отменный, вот и вырос крепким. За двадцать лет почти не болел. Но отец сейчас совсем старый, за ребенком не усмотрит. Не везти же Цзяшу в деревню?

— Я и не предлагаю его отсылать, сам не выдержу. Я к тому, что не нужно над ним так трястись. Эти бутылочки... зачем их кипятить по десять раз в день? Так ты себя раньше времени в могилу сведешь, а я один с ним не справлюсь.

— Хорошо, я поняла, — послушно отозвалась жена.

Она продолжала массировать мужу активные точки, но взгляд её замер на его седых висках. Она вдруг вспомнила, что скоро Ань Синвэню исполнится пятьдесят. Юбилей. Стоит ли собрать

родственников и коллег, устроить праздник?

Хаоцай колебалась. В глазах окружающих она была счастливицей. Рано потеряла мать, но отец, мастер кулинарии, так и не женившийся во второй раз, вырастил её в достатке. Четверо братьев и сестер всегда жили дружно.

А когда она вышла замуж, ей завидовали все подруги.

Муж был не только хорош собой, но и невероятно трудолюбив. В те годы выбиться из деревенских парней, закончить педагогический университет в столице и стать директором элитной школы в городе Q — для этого требовалось нечто большее, чем просто удача.

Но больше всего ценили его характер. Синвэнь был безупречно порядочным человеком. За десятилетия работы — ни одного порочащего слуха, ни одного взгляда на сторону. Мечта, а не муж. Не пил, не дебоширил, а когда она не справлялась по дому, директор школы, засучив рукава, сам мыл посуду.

Но... с тех пор как Няньцзай ушел из дома, они два года не приглашали гостей.

Сегодня муж сам впервые за долгое время упомянул имя старшего сына. Может, его сердце оттаяло?

Лян Хаоцай дождалась, пока он прикроет глаза, и решилась:

— На днях Хаочжэнь рассказывала, что Няньцзай бросил этот свой шоу-бизнес. Сейчас он в городе S, устроился в компанию по недвижимости, работает по совести.

Бровь Ань Синвэня дрогнула, но глаз он не открыл.

— Может, позовем его на твой день рождения? — на одном дыхании выпалила Хаоцай. — Всё-таки он твой сын, да и братья до сих пор не виделись...

Эти слова словно нажали на рычаг. Муж резко выпрямился, глаза его вспыхнули гневом:

— Видеться? С кем?! А если он заразит Цзяшу? Если мой род прервется на этом мальчишке, ты что отцу моему на могиле скажешь?!

— Да при чем тут... Как он может заразить? Мне знающие люди говорили, что это не болезнь, это врожденное...

— Чепуха! Кто тебе такую дурь в уши вливает? Все вокруг только и ждут повода над нами

посмеяться! Я всю жизнь людей учил, а собственного сына воспитал извращенцем?! Не смей больше упоминать этого выродка, я слышать его имени не желаю!

Лицо Синвэня побагровело. Он боялся закричать во весь голос, чтобы не разбудить младшего, поэтому резко встал, собираясь уйти в спальню.

Но Хаоцай не сдавалась. Она долго вынашивала эту мысль и теперь хотела всё прояснить:

— Синвэнь, послушай. Мы ведь не вечны. Если с нами что случится, Цзяшу только на старшего брата и сможет опереться. Не упрямясь, ты же понимаешь, что я права...

— Мне плевать! Пока я жив, я его на порог не пушу!

— Ох... Ну откуда в отце и сыне столько ненависти...

Они, споря вполголоса, скрылись в спальне, не заметив, как на подоконнике замерла ярко-зеленая лоза.

Внизу, у цветочной клумбы, у Ань Сыняня защипало в носу.

Он поднял голову, ища в летнем небе луну. Но неба не было — ни луны, ни звезд. Только непроглядная тьма, которая, казалось, поглотила и тот угол, где он стоял.

Через какое-то время свет в окнах погас. Тэн Бао, связанный с ним духовными узами, передал информацию: родители и брат — обычные люди, лишённые духовного корня.

«Наверное, он и впрямь был чужаком в этой семье»

В сердце нахлынуло неведомое прежде одиночество, но оно длилось лишь миг, растворившись в ясности его души.

Путь к бессмертию бесконечен. На нем нельзя ни заноситься, ни принижать себя.

Действуй по велению сердца, не нарушая правил. Не стоит принимать обиды близко к сердцу, пусть всё идет своим чередом.

С помощью духовной энергии Сынянь оставил в телах родных незаметные печати, чтобы всегда чувствовать их состояние, после чего развернул скутер и пустился в обратный путь к городу S.

Он вернулся в «Сытую Обитель Бессмертных» около двух часов ночи. Старого даоса у ворот уже не было, но на первом этаже горел свет. Услышав шум, Чэньпи пулей выскочил из задней двери, радостно виляя хвостом. Через несколько секунд на пороге появился и Янь Чжэнь.

В теплом свете прихожей его обычно холодные глаза казались чуть мягче.

— Вернулся?

— Угу.

Юноша наклонился погладить пса, а когда выпрямился, увидел, что Янь Чжэнь уже всю изучает его скутер.

— И как эта твоя «летающая птица» держится в воздухе? На твоей магии? А тот прозрачный щит — что это было?

У хозяина Ань не было сил на долгие объяснения, и он бросил на ходу:

— Наложил две печати полета. Когда твоя сила окрепнет, если захочешь — научу.

Глаза офицера загорелись, и он невольно покосился на свой пикап «Мамонт». Если скутер летает, то «Мамонт» и подавно должен...

Придя в себя, он увидел, что Сынянь уже зашел в дом, и поспешил следом. Он заметил, что, несмотря на возвращение домой, настроение у того было не из лучших.

— Сюаньчжоу-цзы ушел к себе в храм, но сказал, что завтра вернется. Кажется, он что-то заподозрил.

— Понятно.

— ...Что завтра на обед?

— ...Фрикадельки «Львиные головы» с крабовой икрой, — ответил Сынянь, вспомнив слова Фан Юйтун.

— Сложно готовить?

— ...Да нет, не особо.

Хозяин Ань с удивлением посмотрел на него. С каких это пор человек, у которого, казалось, атрофировались вкусовые рецепторы, начал интересоваться кухней?

Но он всё же терпеливо пояснил:

— Почти как обычные тефтели, ничего сверхъестественного. Главное — мясо нужно не крутить через мясорубку, а рубить вручную. Для хруста добавим водяной орех, а для нежности — немного хлебного мякиша. Ну и крабовую икру лучше брать свежую, из живых крабов.

Разговор о еде немного отвлек Сыняня, и Янь Чжэнь почувствовал, что тот понемногу расслабляется. Собеседник подошел поближе и протянул ему плитку матча-шоколада, решив задать вопрос, который мучил его больше всего:

— А на других машинах можно летать? На моем «Мамонте» получится? До какой степени мне нужно тренироваться, чтобы стать как ты? И как насчет радаров? Их можно обмануть?

Ань Сынянь взял шоколад и откусил кусочек. Вдруг он заметил, что в волосах офицера запутались травинки, на лбу виднелись следы пыли, а колени штанов были перепачканы в земле.

«Это что же... он уже пытался взлететь? И грохнулся со всей дури?»

Он вспомнил свои первые попытки встать на летящий меч и представил, как этот суровый мужчина неуклюже барахтался в саду. На душе стало светлее.

Смотрите-ка, он не один такой чужак. Вот он, рядом — начинающий единомышленник.

— Я еще не рассказывал тебе об основах. Путь совершенствования делится на большие этапы, по девять ступеней в каждом. Три ступени составляют один малый уровень. Например, стадия Переработки Ци: первые три ступени — начальный уровень, с четвертой по шестую — средний, с седьмой по девятую — поздний. Пройдешь девятую ступень — перейдешь на второй этап, Создание Основы. А дальше идут Изначальное ядро, Драгоценный зародыш и Превращение в божество.

Сынянь сделал паузу и продолжил:

— Что касается полетов, то на мече можно стоять уже со среднего уровня Переработки Ци. Но если духовной энергии мало, далеко не улетишь. Свалиться с высоты в несколько сотен метров — удовольствие сомнительное. Поэтому обычно начинают уверенно летать только после Создания Основы.

Янь Чжэнь схватывал на лету. На третьей ступени учишься подлетать, после Основы — летаешь по-настоящему. Значит, хозяин Ань как минимум на стадии Создания Основы. Это напоминало сюжеты старых фэнтези-романов, которые современная молодежь считает скучными и избитыми.

Он не привередничал. Пусть названия этапов звучат как угодно, главное — результат и польза для здоровья.

— А тот тайфун на днях... как ты...

Этот вопрос не давал ему покоя. Офицер начал фразу, но не закончил, предоставляя Сыняню самому решать, отвечать или нет.

Ань Сынянь не стал вилять:

— Это была формация. Я выставил вокруг усадьбы защитный барьер. Конечно, он не настолько силен, чтобы остановить тайфун в лоб. Скорее... я использовал силу самого ветра против него. В общем, слегка подтолкнул, и «Бобер» ушел обратно в море.

Поняв, что хозяин сегодня в хорошем расположении духа, Янь Чжэнь решил зайти с другой стороны:

— Ты... в прошлый раз сказал, что тебе триста лет. Пошутил ведь? Тот Номицы, который вчера приходил, — твой одноклассник. Ему тоже триста? И много ли таких, как мы, с духовным корнем?

Юноша замялся. И про триста лет — правда, и про одноклассника — тоже, вот только объяснить, как так вышло, было непросто.

Ему не хотелось врать. Он убрал ключи в ящик и, прикрыв глаза, сухо ответил:

— Мне нет нужды тебя обманывать. Будет случай — расскажу. Просто знай, что на Переработке Ци можно прожить до трехсот лет. На стадии Создания Основы — до пятисот.

— То есть... у меня теперь в запасе триста лет жизни? — Янь Чжэнь приоткрыл глаза, не скрывая изумления.

«Триста лет — это только теория, — подумал Сынянь. — Если не следить за собой и искать приключений на пятую точку, то и триста дней не протянешь»

Но он не стал портить момент. Вместо этого он прикоснулся пальцем ко лбу Янь Чжэня и, задействовав духовное сознание, передал ему базовые знания о мире совершенствующих.

Когда передача закончилась, офицер замер на стуле с закрытыми глазами, переваривая информацию. А на Ань Сыняня вдруг навалилась апатия.

Поездка домой выбила его из колеи. Спать не хотелось, но и делать что-то было лень. Мысли путались.

С другой стороны, Янь Чжэнь ждал его всё это время. Будет невежливо просто уйти к себе, не сказав ни слова.

Этот язвительный человек на деле оказался довольно заботливым. Пока он в трансе, стоит приготовить ему что-нибудь на перекус в знак благодарности.

«Раз уж он назвал своего кота Доучжиром, пусть будет Доучжир, — решил юноша. — И, конечно, классические хрустящие колечки цзяоцюань»

Дело нехитрое, через несколько минут всё было готово. Сынянь прислонился к стойке и достал телефон, ожидая, пока Янь Чжэнь придет в себя.

В новостях ничего интересного, новых бронирований нет. Ми Чжи прислал несколько сообщений — спрашивал, куда он пропал ночью.

Он уже собирался ответить, как вдруг увидел уведомление. Сообщение от человека, которого он два года держал в черном списке и разблокировал только сегодня.

[Люй Вэньбинь: Сынянь, я скучаю по тебе.]

Внутри у Ань Сыняня всё закипело. Старые обиды и новая ярость сплелись в один тугой узел.

<http://bllate.org/book/15856/1443545>